

© 2024 г. Ю.Н. ТИХОНОВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ 1921 года В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Тихонов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: tikhlip@mail.ru

Scopus Author ID: 57937363500; ORCID: 0000-0003-4017-6951

Аннотация. Новые архивные документы, опубликованные в России и Великобритании, позволяют определить этапы и особенности переговоров между Афганистаном и РСФСР о заключении Договора о дружбе 1921 г. Первоначальной целью советской дипломатии при разработке этого документа было превращение Афганистана в плацдарм для подрывной деятельности против Британской Индии. Афганский эмир Аманулла-хан, в свою очередь, хотел с помощью договора получить от Советской России военную и финансовую помощь для борьбы против Великобритании, а также укрепить афганские позиции в Туркестане, где хотел создать конфедерацию среднеазиатских государств под своим контролем. Как свидетельствуют рассекреченные архивные документы НКВД, советское правительство не было готово платить столь высокую цену за договор с Афганистаном. В ходе переговоров много раз возникали паузы, вызванные обострением советско-афганского соперничества из-за Бухары и объемов советской помощи Аманулле-хану. Однако обе стороны понимали необходимость установления прочных партнерских отношений для стабилизации международного положения РСФСР и независимого Афганистана. По этой причине после трудных переговоров в Кабуле и Москве 28 февраля 1921 г. советско-афганский Договор о дружбе был заключен. Он позволил Советской России укрепить свои позиции в Центральной Азии, создав значительный противовес британским интригам в этом регионе.

Ключевые слова: РСФСР, Россия, дипломатические отношения, международные отношения, внешняя политика, дипломатические переговоры, Афганистан, Британская Индия, Туркестан, Договор о дружбе 1921 г.

Yu.N. Tikhonov

The Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” in the Context of New Archival Sources

Yuri Tikhonov, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia).

E-mail: tikhlip@mail.ru

Scopus Author ID: 57937363500; ORCID: 0000-0003-4017-6951

Abstract. New archival documents published in Russia and the United Kingdom make it possible to identify the stages and peculiarities of the negotiation process between Afghanistan and the Russian Soviet Federative Socialist Republic on the conclusion of the Treaty of Friendship of 1921. The initial aim of Soviet diplomacy in drafting this document was to turn Afghanistan into a foothold for subversive activities against British India. The Afghan Emir Amanullah Khan, in turn,

wanted to obtain military and financial aid from Soviet Russia through the Treaty of Friendship to fight Great Britain. His second goal was to strengthen Afghanistan's position in Turkestan, where he wanted to create a confederation of Central Asian states under his control. As the declassified archival documents of the NKID show, the Soviet government was not prepared to pay such a high price for an agreement with Afghanistan. During the negotiations, there were many pauses caused by the aggravation of Soviet-Afghan rivalry over Bukhara and the amount of Soviet assistance to Amanullah Khan. However, both sides understood the need to establish strong partnerships to stabilize the international position of the RSFSR and independent Afghanistan. For this reason, after difficult negotiations in Kabul and Moscow, the Soviet-Afghan Treaty of Friendship was concluded on February 28, 1921. It allowed Soviet Russia to strengthen its position in Central Asia, creating a significant counterbalance to British intrigues in the region.

Keywords: RSFSR, Russia, diplomatic relations, international relations, foreign policy, diplomatic negotiations, Afghanistan, British India, Turkestan, Treaty of Friendship 1921.

Заключение Договора о дружбе 1921 г. между Советской Россией и Афганистаном стало знаковым событием не только в отношениях между этими государствами, но и в расстановке сил на международной арене. Значение этого договора хорошо понимали в правительственных и научных кругах обеих стран, поэтому до распада СССР в нашей стране все юбилеи этого дипломатического документа отмечались и освещались на высоком уровне. После 1991 г. эта хорошая традиция была нарушена, хотя ввод в научный оборот нового фактического материала и переосмысление многих фактов из истории советско-афганских отношений по объективным причинам резко ускорились. На данный момент российские исследователи могут на базе ранее секретных документов предложить более детальную и логичную историю подписания первого договора между Москвой и Кабулом.

В настоящий момент в отечественном востоковедении наметился новый уровень осмысления хитросплетений международных отношений в Центральной и Южной Азии в межвоенный период, так как советские и британские источники¹ в совокупности с рядом исследований, опубликованных в нашей стране, позволяют всесторонне и масштабно оценить события «второй большой игры» вокруг Афганистана и других стран и регионов, сопредельных Британской Индии².

Установление дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном было гораздо более сложным и трудным делом, чем это ранее было принято считать в отечественной историографии. Только такой могущественный враг, как Великобритания, мог сблизить две столь различные силы, как большевики и афганские националисты. Фактически с первых шагов советской дипломатии в Афганистане речь шла о заключении антибританского «союза соперников».

Это стало одной из главных задач советской дипломатии на Востоке. Третья англо-афганская война 1919 г. и англофобские настроения эмира Амануллы-хана вселили в большевиков надежду, что Великобритании удастся нанести удар в Индии. Уже в конце 1919 г. британская разведка смогла добыть сведения, что советское командование приступило к подготовке похода на Индию через Герат и Кандагар³. В связи с этим первый этап

¹ Среди публикаций документов по данной теме необходимо указать: Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921) / сост. М.А. Персиц. М., 2009; Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). Сб. документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

² Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.; Иркутск, 1998; Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019; Улунян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

³ Afghanistan Strategic Intelligence... P. 134.

советско-афганских переговоров о заключении межправительственного договора был посвящен выработке военно-политического соглашения с целью любой ценой вовлечь Афганистан к весне 1920 г. в новый вооруженный конфликт с Англией.

Проект договора между РСФСР и Афганистаном должен был составить первый советский полпред в Кабуле Н.З. Бравин, который первоначально «заверил эмира, что Москва окажет Афганистану любую помощь вооружением, взяв на себя все издержки в случае возобновления войны против Англии»⁴. Однако он не выполнил этого поручения советского правительства, так как справедливо считал саму идею «похода на Индию» абсурдной и крайне опасной для Советской России. 25 декабря 1919 г. Бравин писал в НКВД: «Советская Россия летом не могла, а сейчас не только не может, но еще и не должна оказывать военную помощь Афганистану, если бы даже он просил о ней, так как помогать Афганистану — это значит затевать грандиозное, мировой важности, совершенно непосильное нам предприятие — “поход на Индию”, то есть демонстративно создавать *casus belli* для Англии и, следовательно, открывать новый и самый гибельный для нас фронт»⁵.

Ленин и его соратники отдавали себе отчет, какое грандиозное и опасное мероприятие они хотят осуществить в Центральной Азии, поэтому еще до того, как фронда Бравина стала мешать сближению РСФСР с Афганистаном, в Кремле было принято решение о назначении новым полпредом в Кабул «старого большевика» Я.З. Сурица. Дипломатическая миссия, возглавляемая им, должна была проскользнуть в Афганистан между фронтами Гражданской войны. Суриц был наделен большими полномочиями и крупными денежными средствами в золоте.

25 декабря 1919 г. миссия Сурица прибыла в афганскую столицу. 27 декабря между ним и эмиром начались переговоры о заключении военного союза. Сразу встал вопрос о военной помощи РСФСР Афганистану, о чем свидетельствует запись беседы, сделанная Сурицем. Аманулла-хан, согласно этому документу, прямо спросил советского дипломата: «В точности определите, что Россия может нам дать при немедленном выступлении?» Ответ Сурица: «Военным командованием во время моего отъезда из Ташкента были подготовлены к немедленной отправке в Афганистан две пехотные бригады — 16 тысяч человек, вооружение которых состоит из 12-15 тысяч винтовок, 800 пулеметов, 48 полевых орудий и отряд из шести аэропланов»⁶. Видимо, данная информация удовлетворила монарха, и он перешел к обсуждению вопросов, связанных с размером советской военной помощи Афганистану.

Из советских дипломатических документов видно, что основные размеры этой помощи были определены еще до январских переговоров 1920 г. в Кабуле между Сурицем и Амануллой. Советская сторона согласилась с просьбой эмира предоставить ему 12 аэропланов, 6 зенитных орудий, 5 тыс. винтовок для афганской армии, 10 тыс. винтовок пуштунским племенам, радиостанцию и необходимое количество военных специалистов. Кроме этого, Суриц обязался от имени советского правительства построить телеграфную линию Кушка — Герат — Кандагар — Кабул⁷.

В ходе переговоров Аманулла-хан подчеркнул необходимость оказания Афганистану финансовой помощи. Понимая, что этот вопрос является одним из главных, Суриц проявил на свой страх и риск большую щедрость. Он заявил, что «не может при оторванности от Центра делать конкретных обещаний, помимо миллиона рублей золотом, но полагает, что русское правительство не остановится перед компенсацией Афганистану потери английской субсидии»⁸. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что он сразу вышел за рамки указаний НКВД о предоставлении афганцам разовой помощи в 1 млн

⁴ *Сергеев Е. Ю.* Указ. соч. С. 355.

⁵ Советская Россия в «Большой игре»... С. 76.

⁶ Черновые записи о переговорах полпреда Я.З. Сурица с эмиром Амануллой-ханом // Там же. С. 82.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 83.

золотых рублей. Однако позже РСФСР придется согласиться на предоставление Афганистану ежегодной субсидии в этих размерах.

13 января 1920 г. в течение семи часов между Сурицем и афганскими представителями, включая самого эмира, шли переговоры о характере и условиях будущего советско-афганского союзного договора. За вступление в войну против Англии Аманулла-хан запросил: до 100 тыс. винтовок с 600 патронами на каждую, 250 скорострельных орудий, 1,5 тыс. пулеметов и 50 млн рублей золотом. Одним словом, Советская Россия должна была перевооружить афганскую армию, оплатив все финансовые издержки в случае новой войны с Великобританией. Сурицу пришлось резко сбивать цену за будущий договор: советская субсидия не превышала 1 млн рублей золотом; вместо 100 тыс. винтовок — 5 тыс. (при условии, что Афганистан не будет препятствовать доставке сражавшимся на тот момент с англичанами приграничным племенам 10 тыс. винтовок)⁹.

Как видно из телеграмм Сурица в Ташкент и Москву, советский дипломат еще до начала переговоров был проинформирован представителями пуштунских племен о том, что Афганистан новую войну с Англией не начнет, но, выполняя поручение Ленина, все же попытался добиться от Амануллы гарантий на возобновление боевых действий против Индии весной 1920 г. Январские договоренности между Амануллой и Сурицем позволяли заключить «договор во укрепление дружбы и благоприятствующего нейтралитета». Окончательное решение об этом полпред РСФСР обещал дать через четыре дня. Однако, получив известие из Ташкента, что к нему направляется дипкурьер с письмами Ленина и Карахана, 17 января Суриц, по его собственным словам, «решил до прибытия почты договора не заключать»¹⁰.

Параллельно с переговорами Сурица в Кабуле обсуждение условий будущего наступательно-оборонительного союза проходило в Ташкенте между руководством Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики (ТАССР) во главе с Ш. Элиавой и афганской делегацией, руководимой М. Вали-ханом. К скорейшему соглашению с афганской стороной правительство ТАССР побуждали директивы из Москвы и сложная обстановка на границе с Афганистаном. С помощью заключения военного договора с Афганистаном туркестанские большевики стремились прекратить концентрацию афганских сил на южных рубежах ТАССР, а уж затем обеспечить условия для возобновления военных действий между Афганистаном и Англией. Заведующий Отделом внешних сношений Турккомиссии Г.И. Бройдо в одном из писем Я.З. Сурицу четко сформулировал эту двудеятельную цель ташкентских переговоров: «Вообще, общая линия военного договора (с Афганистаном. — Ю. Т.) должна быть направлена к перераспределению сил афганцев так, чтобы они концентрировались на южной и юго-западной границе (их страны. — Ю. Т.)»¹¹.

26 декабря 1919 г. состоялось первое заседание делегаций ТАССР и Афганистана. На нем был выработан проект военного договора между Советской Россией и Афганистаном. В первом пункте этого документа говорилось, что Афганистан и РСФСР «находятся в состоянии наступательно-оборонительного союза»¹². Конкретных цифр и дат в этом проекте не было, поэтому никаких дискуссий между туркестанской и афганской делегациями при его утверждении не возникло. Лишь в феврале 1921 г. Вали-хан довел до сведения советских партнеров цифры запрашиваемой Афганистаном у РСФСР помощи, после чего стало ясно, что «ни о каком выступлении Афганистана речи быть не может»¹³.

Еще одной проблемой советско-афганских переговоров в Ташкенте было установление новой границы между ТАССР и Афганистаном. После обещания Ленина, данного

⁹ Телеграмма № 75 полпреда Сурица от 17.01.1920 г. // Там же. С. 89–90.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письмо зав. Отделом внешних сношений Турккомиссии ВЦИК Г.И. Бройдо в Кабул Сурицу // Там же. С. 80.

¹² Телеграмма Ф.Я. Рабиновича Г.В. Чичерину от 07.01.1920 г. // Там же. С. 86.

¹³ Докладная записка зав. Отделом внешних сношений Турккомиссии ВЦИК Г.И. Бройдо [май 1920 г.] // Там же. С. 106.

Вали-хану, туркестанские власти должны были договориться с афганцами о передаче им части туркменских земель вместе с крепостью Кушка. По приказу из Москвы Турккомиссия должна была выполнить эту директиву, но в реальности встала на путь ее скрытого саботажа. Фактический контроль над Кушкой и территорией близ нее было решено сохранить за Красной армией любой ценой. С этой целью Турккомиссия создала советско-афганскую разграничительную комиссию, дав ей указание работать «затяжным темпом». Однако В.В. Залесский, возглавлявший российскую часть разграничительной комиссии, после нескольких дней ее работы согласился со всеми афганскими требованиями и подписал совместный протокол. На заседании Турккомиссии 21 января единогласно было принято решение дезавуировать действия Залесского.

Руководству ТАССР была очевидна тесная взаимосвязь между уступкой Афганистану оазиса Пенде вместе с крепостью Кушка и переговорами о советско-афганском военном союзе против Великобритании. В связи с этим заместитель председателя ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по делам Туркестана В.В. Куйбышев выступил с предложением «заявить афганцам, что пока они не перестанут саботировать работы комиссии по заключению военного договора, до тех пор работы пограничной комиссии происходить не будут»¹⁴. Чтобы не нарушить директив из центра и во избежание конфликта с Афганистаном, его точку зрения не поддержали другие члены Турккомиссии, но она ярко демонстрирует наступивший во второй половине января 1920 г. кризис в переговорах между большевиками и Амануллой-ханом.

Суриц также к тому времени понял бесперспективность продолжения попыток заключить военный союз с Афганистаном. Ознакомившись с письмом Ленина и другими документами, доставленными дипкурьером Каменецким, он 23 января 1920 г. направил в Ташкент телеграмму, в которой уведомлял Турккомиссию о своем решении приостановить переговоры с афганцами о «военной конвенции». В своей шифровке полпред констатировал факт ошибочной политики центрального советского правительства и своего крайне трудного положения в Кабуле: «Убеждаюсь, [что] в Центре до сих пор, очевидно под влиянием неверной информации афганцев, нет правильного представления о положении здесь. Повторяю, рассчитывать на военное выступление Афганистана против Англии сейчас нечего. Никакой военной конвенции Афганистан не подпишет. С другой стороны, не прекращающаяся борьба племен, разрастающегося движения в Индии и открывающиеся перспективы из Афганистана расширить наше влияние на Индию заставили меня идти на жертвы, чтобы путем договора о дружественном нейтралитете закрепить наши отношения с Афганистаном и создать здесь прочную антианглийскую базу»¹⁵. Таким образом, в январе 1920 г. разработка условий первого советско-афганского договора зашла в тупик как в Ташкенте, так и в Кабуле. Суриц настойчиво (и безуспешно) предлагал руководству перейти от работы над статьями «военной конвенцией»¹⁶ к обсуждению положений дружественного межправительственного соглашения.

С начала 1920 г. руководство НКВД стало корректировать деятельность Турккомиссии, не забыв переложить часть своих грехов на «туркестанцев». 7 января 1920 г., получив из Ташкента полный текст достигнутых с афганцами договоренностей, нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил главе Турккомиссии З.Ш. Элиаве грозную телеграмму: «Мы никогда не говорили о союзе с Афганистаном; даже оборонительный союз поставит нас в невозможное положение, если помиримся с Англией. Он будет значить, что, если

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Телеграмма № 76 полпреда Сурица в Турккомиссию от 23.01.1920 г. // Там же. С. 90–91.

¹⁶ В конце 1919 г. Восточный отдел НКВД разработал проект соглашения с Афганистаном, который отражал общий подход к антибританскому союзу с Афганистаном. В указанном документе говорилось, что «РСФСР обязуется оказать Афганистану... помощь (в виде военного снаряжения, аэропланов, телеграфов и т.п., а также инструкторов и других специалистов)» (Советская Россия в «Большой игре»... С. 74). Этот документ предусматривал сотрудничество между афганской армией и Туркестанским фронтом. Данный проект советские дипломаты так и не рискнули вручить афганцам.

Англия нападет на Афганистан, мы должны будем объявить войну Англии. Между тем, заговорив о союзе, взять обратно [предложение] — получается скандал. Вы нас поставили в крайне неприятное положение, надо исправить эту оплошность, вместо слова союз говорить — соглашение о взаимном оказании помощи»¹⁷. Одновременно, буквально через день, заместитель наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахан послал З.Ш. Элиаве шифровку, в которой приказывал ему довести до сведения Я.З. Сурица необходимость «всеми силами воспрепятствовать заключению мира (между Афганистаном и Англией. — Ю.Т.) и форсировать всеми средствами новое афгано-английское столкновение»¹⁸. В итоге в начале 1920 г. советские представители в Ташкенте и Кабуле имели фактически невыполнимые инструкции из Москвы и были в полном неведении о масштабах выделяемой Афганистану помощи, без которой афганцы категорически отказывались возобновить войну с Великобританией.

Желая сдвинуть переговоры с Сурицем с мертвой точки, афганская сторона 5 февраля 1920 г. вручила ему секретную ноту, в которой перечислила свои требования к советскому правительству: «Если нижеследующие необходимые вещи будут вручены Афганистану, то военный союз возможен: пятизарядных винтовок от 80000 до 100000 с 600–800 патронами на каждый ствол. От 250 до 300 орудий. От 1000 до 1500 пулеметов. Наличных денег 5000 000 фунтов стерлингов в золоте или серебре и всевозможных необходимых вещей, как было обещано»¹⁹. Нота от 5 февраля 1920 г. свидетельствовала, что Аманулла-хан все же склонялся к заключению договора с Советской Россией, сулившего ему крупные выгоды. Однако выдвинутые афганской стороной условия были невыполнимы для РСФСР, измученной длительной гражданской войной.

Афганская нота заставила Сурица, которому, по его собственным словам, приходилось после 13 января «прятаться от афганцев и увильгивать от ответа», к 10 марта 1920 г. составить на основе московских инструкций и ташкентских протоколов свой проект будущего советско-афганского договора. Главным недостатком этого документа было отсутствие конкретных цифр помощи от РСФСР. В этот же день полпред отправил в НКВД телеграмму, в которой уведомлял свое руководство о готовности проекта для возобновления переговоров с Амануллой. В ней же он предрекал судьбу своего проекта: «Твердо убежден, что афганский центр не уяснил себе предварительно размеров нашей помощи [и] соглашения не подпишет»²⁰. Одновременно он просил одобрить «в виде аванса» афганцам за заключение «военно-политического соглашения» его январские договоренности с эмиром.

Возникшая из-за «прятков» Сурица, не имевшего конкретных указаний НКВД, пауза в переговорах в 20-х числах марта 1920 г. была прервана Амануллой, настоявшим, вопреки воле советского полпреда, на продолжении обсуждения условий союзного договора с РСФСР. На афганского эмира весной оказали мощное давление пуштуны, требовавшие от него вооружения для борьбы с английскими войсками. Чтобы получить необходимое оружие, Аманулла усилил нажим на советскую сторону. 27 марта 1920 г. вызванный эмиром на секретное совещание Суриц вынужден был заявить, что советское правительство «согласно заключить военно-политическое соглашение на основе ташкентских переговоров с поправками, внесенными нотой Карахана»²¹.

Ничего более конкретного полпред сказать эмиру и военному министру Надир-хану не мог, так как весной 1920 г. Москва взяла курс на фактический отказ от военного союза с Афганистаном. Советская миссия в Кабуле получала из НКВД директивы, отменявшие ранее достигнутые в Ташкенте и Кабуле договоренности с афганцами. 27 марта 1920 г. Суриц в специальной телеграмме в НКВД дал четкое описание ситуации, в которой он оказался: «По полученной шифровке Карахана № 447 союз (с Афганистаном. — Ю.Т.)

¹⁷ Советская Россия в «Большой игре»... С. 89.

¹⁸ Телеграмма № 62 Л.М. Карахана председателю Турккомиссии Элиаве от 09.01.1920 г. // Там же. С. 89.

¹⁹ Там же. С. 94–95.

²⁰ Телеграмма № 98 Я.З. Сурица в Турккомиссию и НКВД от 10.03. 1920 г. // Там же. С. 101.

²¹ Телеграмма № 109 полпреда Сурица от 31.03.1920 г. // Там же. С. 102.

исключается, между тем, основываясь на инструкции Бройдо почтой Желчанова²², ясно, что союз взят за основу предстоящих переговоров, известив об этом афганцев. Шифровка Карахана № 453 аннулирует, как я уже писал, мои январские переговоры, сведя обещанную мною помощь к аэропланам и оружию. Шифровка № 448 аннулирует основу ташкентских [договоренностей]²³.

Ликвидировав практически все наработки Турккомиссии и Сурица, Москва должна была вынести свое окончательное решение о судьбе договора с Афганистаном. Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1920 г. приняло решение дать Аманулле лишь то оружие, которое афганцы не могли бы использовать против Красной армии: самолеты, зенитные орудия и рацию²⁴. Очевидно, что развернувшаяся в Кремле дискуссия об объемах военной помощи Афганистану задержала принятие решения о подписании советско-афганского договора. В начале мая 1920 г. оно все же было принято. При этом правительство РСФСР оговорило, что в будущем с южным соседом будет подписано отдельное соглашение «по вопросам, связанным со Средней Азией»²⁵.

Лишь 23 мая 1920 г. советское посольство в Кабуле получило долгожданные директивы о военной и финансовой помощи Афганистану. Карахан в телеграмме № 150 доводит до сведения представителя НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнера и Я.З. Сурица решение советского правительства: «Можете официально заявить афганправительству наше согласие на широкую помощь в соответствии их вербальной ноте [от] 11 февраля и Вашим обещаниям. Мы даем Афганистану: 1) миллион рублей золотом, 2) двенадцать аэропланов, 3) радиостанцию, 4) согласны оборудовать телеграфную линию Кушка — Герат — Кандагар — Кабул, 5) зенитные орудия, 6) сооружение завода бездымного пороха, 7) военных техников и специалистов, 8) пять тысяч винтовок афганцам и десять тысяч винтовок пограничным племенам, 9) в случае переговоров об уступке Бухаре дороги Керки — Термез допустим афганпредставителя [с] совещательным голосом на переговоры»²⁶.

В этой же телеграмме заместитель наркома иностранных дел РСФСР перечислил советские требования к Афганистану в обмен на эту помощь:

1) свободный пропуск к пограничным племенам советского оружия и материалов, а также помощь при его передаче патанам;

2) содействия советской пропаганде через Афганистан на Индию, Белуджистан и Персию;

3) открытие консульств РСФСР, кроме разрешенных трех пунктов, еще в Кандагаре, Джелалабаде и Дакке;

4) открытия типографии в Кабуле и использование афганских типографий для издания коминтерновской литературы для Индии;

5) официальной гарантии, что правительство Афганистана «не будет участвовать ни в какой военно-политической комбинации, направленной против нас»²⁷.

Кроме этого, в телеграмме № 151, отправленной в тот же день, Карахан извещал Сурица о решении Москвы признать правительство Кемаль-паши в Турции. В конце шифровки советскому полпреду поручалось сообщить Аманулле следующее: «Подчеркните, что взятие нами Энзели и кооперация с персидскими революционерами, равно как начинающееся движение в Западной Персии и установление с Турцией в ближайшем будущем общей границы, кардинально изменяет положение в Передней и Средней Азии. Мы надеемся, что все это повлияет на позицию Афганистана в отношении Англии и приблизит момент освобождения Индии»²⁸. Одним словом, афганскому эмиру давали понять, что Советская

²² Желчанов — дипкурьер, привезший перечисленные в телеграмме Сурица документы.

²³ Там же. С. 101–102.

²⁴ Письмо Г.В. Чичерина Л.Д. Троцкому от 15.04.1920 г. // Там же. С. 103.

²⁵ Выписка из записи беседы представителя НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнера с афганским посланником Вали-ханом от 05.05.1920 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 04. 1920. Оп. 51. П. 328. Д. 55039. Л. 13.

²⁶ Советская Россия в «Большой игре»... С. 113.

²⁷ Там же. С. 113–114.

²⁸ Там же. С. 114.

Россия и революционеры Востока создают антибританский фронт, в котором Турции и Афганистану отводилась ключевая роль.

С момента получения конкретных цифр советской помощи Афганистану Суриц мог более уверенно продолжить работу над составлением проекта будущего договора между РСФСР и Афганистаном. Параллельно афганская сторона медленным темпом работала над своим вариантом документа. По этой причине в начале июня 1920 г. в переговорах между Аманулла-ханом и Сурицем возникла очередная пауза. Чтобы ее прервать, советский полпред в первых числах июня передал афганской стороне свой проект договора (на фарси и английском языке).

Для обсуждения мнений сторон 24 июня 1920 г. прошло заседание Советско-афганской комиссии по выработке договора. Его пришлось прервать, так как афганские претензии по «бухарскому вопросу» были отвергнуты Сурицем²⁹. Вторая часть заседания была посвящена обсуждению объемов помощи РСФСР Афганистану. Аманулла-хан уже знал, что советское правительство резко сократило объем военной помощи, поэтому также уменьшил свои требования. В протоколе заседания комиссии указывалось, что Афганистан хотел получить от РСФСР: 20 млн рублей золотом, 30 тыс. винтовок, 800 пулеметов, 50 орудий, 5 танков, 20 бронированных автомобилей, 8 зенитных орудий, 12 аэропланов, радиостанцию и оборудование порохового завода. Одновременно Аманулла-хан настаивал, чтобы при возникновении войны между Афганистаном и «каким-либо государством», т.е. Великобританией, РСФСР «приходит ему на помощь всей своей живой силой и всеми ресурсами»³⁰. Разумеется, после директив НКВД о свертывании переговоров о заключении антибританского военного союза с афганцами Суриц был вынужден отклонить и это предложение эмира. Заседание 24 июня 1920 г. можно считать поворотным пунктом в советско-афганских переговорах 1919–1920 гг. — после него Аманулла-хан, осознав реальное положение вещей, отказался от идеи заключения военного союза с Советской Россией.

На заседании комиссии по выработке договора 11 июля 1920 г. Суриц также отказался принять афганский вариант двух статей будущего договора, содержащие обязательства сторон проводить дружественную политику в отношении друг друга. Афганцы предлагали в их проекте такую формулировку статей II и III, которая сводила обязательства государств лишь к взаимному признанию и защите независимости. Попытки Амануллы убедить советского полпреда в необходимости сохранить за РСФСР и Афганистаном «возможную свободу действий» встретили резкий отпор со стороны Сурица. Он заявил: «Наше предложение в одном только отношении стесняет свободу Высокого Государства — оно отнимает у Афганистана возможность вредить нам. Это ограничение взаимное»³¹. Осознав, что советское правительство не подпишет соглашения без твердых гарантий неучастия Афганистана во враждебных Советской России комбинациях с иностранными государствами, эмир позже согласился с предложенной советским дипломатом формулировкой, которая определила содержание статьи II советско-афганского Договора о дружбе от 28 февраля 1921 г.

В афганском проекте будущего договора оказался еще один неприятный сюрприз для Сурица: в документе, представленном для обсуждения комиссии, отсутствовал пункт об оказании Афганистаном помощи советским агентам в их «агитационной работе» в зоне пуштунских племен и Британской Индии. В конце заседания Суриц был вынужден заявить Аманулле: «Статье этой придается чрезвычайная важность, и она является ультимативным требованием со стороны моего правительства»³².

Афганская сторона хотела рассмотреть на заседании 11 июля 1920 г. проект торгового соглашения с РСФСР, но этот документ из-за противодействия Сурица больше вместе с проектом «политического соглашения» не рассматривался.

²⁹ Тихонов Ю.Н. Роль «бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 года // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 157. DOI: 10.31857/S013038640018270-5

³⁰ Советская Россия в «Большой игре»... С. 132.

³¹ Там же. С. 140.

³² Там же. С. 144.

15 августа 1920 г. в Кабуле состоялось очередное заседание комиссии по выработке условий советско-афганского договора³³. На нем афганскую сторону представлял уже не эмир, а министр иностранных дел Махмуд Тарзи. Из протокола заседания 15 августа видно, что советская и афганская стороны уже определили для себя те статьи будущего договора, по которым им не удавалось достичь компромисса. Суриц требовал закрепить в договоре положение о недопуске с территории Афганистана враждебной деятельности и прекращения афганской помощи басмаческому движению. В свою очередь, афганцы вновь не соглашались убрать из проекта советско-афганского договора статьи о Бухаре. Несмотря на это, Тарзи в конце 10-часового трудного заседания выразил уверенность, что договор будет заключен. Министр знал, что в середине августа 1920 г. Аманулла принял решение ускорить подписание договора с РСФСР ради получения оружия и ежегодной субсидии.

18 августа Тарзи заявил советскому полпреду «о полной невозможности для Афганистана вести в настоящий момент войну с Англией» и желании придерживаться политики строгого нейтралитета между РСФСР и Великобританией³⁴. Разумеется, при такой постановке вопроса Суриц сразу же заявил, что «Афганистан не вправе рассчитывать на нашу помощь»³⁵. Однако полпред при афганских уступках в Туркестане, а также гарантии Кабула не заключать с любой иностранной державой соглашений против Советской России все же признал целесообразным подписание договора с Афганистаном.

Кроме этого, советский полпред в Кабуле знал о готовящейся операции Красной армии в Бухаре, поэтому он постарался ценой уступок ускорить подписание первого советско-афганского договора. В конце августа 1920 г. Сурицу пришлось пообещать эмиру материальную помощь со стороны Советской России, хотя было ясно, что будущий договор потерял значительную часть своей антибританской направленности. 31 августа, когда в Бухаре уже шли бои, о которых афганское правительство еще ничего не знало, Сурицу пришлось отказаться от одной из самых ценных для большевиков статей «о пропаганде» против Британской Индии. Суриц, который считал, что подготовка революции в Индии является его главной задачей, вынужден был пойти на эту жертву, чтобы смягчить гнев афганских партнеров по переговорам после получения ими известий о «революции» в Бухаре.

Дополнительно 2 сентября Суриц добился от афганцев согласия на новую редакцию статьи о признании независимости Хивы и Бухары в проекте будущего советско-афганского договора: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там ни существовала бы согласно желанию их народов»³⁶. Таким образом, полпред готовился представить Аманулле события в Бухаре как «народную революцию».

Вскоре информация о свержении бухарского эмира достигла Кабула. Всем заверениям советского посла, что события в Бухаре являются делом рук «бухарских революционеров» в Кабуле, разумеется, никто не поверил. Его заявление о гарантии Москвы не осуществлять вмешательства в дела «будущей революционной Бухары» имело тот же эффект. Однако афганское правительство не отказалось от подписания договора с Советской Россией, так как его заключение укрепляло независимость Афганистана. 9 сентября Суриц отправил в НКВД телеграмму, в которой сообщил, что афганцы «примирились с фактом переворота» в Бухаре, поэтому приложили все силы для завершения переговоров о заключении договора с РСФСР о дружбе, статьи которого 13 сентября 1920 г. были парафированы в Кабуле³⁷.

Заключенный с таким трудом договор между РСФСР и Афганистаном обоим договаривающимся сторонам необходимо было доработать и ратифицировать. Комплекс

³³ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном. 15.08. 1920 г. // Там же. С. 173–183.

³⁴ Телеграмма № 193 Я.З. Сурица в НКВД. 19.08. 1920 г. // Там же. С. 191.

³⁵ Там же. С. 192.

³⁶ Панин С.Б. Указ. соч. С. 59.

³⁷ Теплинский Л.Б. СССР – Афганистан. М., 1982. С. 35; Adamec L.W. Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967. P. 157.

нерешенных проблем в советско-афганских отношениях, «щедрость» Сурица и активное противодействие Великобритании росту «большевистского влияния» в Кабуле создавали значительные трудности для этого³⁸. 1 октября 1920 г. в афганскую столицу с целью оказания помощи Сурицу прибыл видный младотурецкий деятель Ахмет Джемаль-паша. Его приезд продемонстрировал единство советского правительства с турецкими националистами в борьбе против британского империализма.

Джемаль прибыл в Кабул с целью превращения Афганистана в плацдарм для будущего удара по Британской Индии. Для этого он разработал план всесторонней модернизации Афганистана, основанный на советской помощи и действиях турецких военных инструкторов. Ратификацию советско-афганского договора о дружбе турецкий лидер считал необходимым условием для реализации своих замыслов. Афганский эмир поверил в реальность этих смелых планов. Миссия Джемаль-паши в Кабуле значительно снизила накал борьбы вокруг ратификации заключенного Сурицем договора, так как вселила в Аманулла надежду получить от РСФСР дополнительную военную помощь сверх (!) условий этого дипломатического документа.

Аманулла-хан и его окружение понимали, что восточные националисты являлись пешками в дипломатической игре Советской России в Центральной Азии. Однако им приходилось учитывать особенности той революционной эпохи, пытаясь переиграть большевиков с помощью их же соратников. Ярким примером подобной тактики были попытки Амануллы ускорить в конце 1920 г. через Джемаль-пашу завершение обсуждения советско-афганского договора в Москве. Уже 6 ноября 1920 г. афганский эмир написал Ленину письмо, в котором дипломатично выразил пожелание скорейшего «утверждения» советским правительством договора, подписанного Сурицем в Кабуле, но ответа от главы советского государства не последовало. Тогда 1 декабря эмир и Тарзи переслали Ленину и Чичерину новые послания, которые доставил в Москву вместе с первым докладом и письмом Джемаль-паша турецкий офицер Бедри-бей³⁹. Не дождавшись реакции из Кремля и на этот раз, паша 26 декабря через радиостанцию советского полпредства послал Ленину и Чичерину телеграмму, в которой без всякой дипломатии повторил свои требования по поводу советско-афганского договора: «Но успех всей моей миссии зависит в первую очередь от ратификации заключенного Сурицем договора, всякое дальнейшее промедление ставит под угрозу не только мои начинания, но грозит безвозвратным провалом и политике дружбы с Афганистаном и наносит непоправимый удар всему делу освобождения Востока. Особенно приходится спешить ввиду предстоящего на днях приезда английской миссии»⁴⁰. Согласованность подобных шагов афганцев и младотурок была очевидна.

Аманулла-хан был крайне встревожен нежеланием советского правительства быстро ратифицировать договор с Афганистаном. Переговоры Бедри-бея в Москве в очередной раз продемонстрировали, что большевистское руководство не пойдет ни на какие уступки в «бухарском вопросе». Более того, руководство НКВД потребовало от Бедри-бея, а фактически от эмира, объяснений, каким образом в Бухаре оказались части афганской армии.

Целый комплекс проблем в отношениях между Москвой и Кабулом привел, по словам Чичерина, к «переработке» в Москве заключенного в сентябре 1920 г. Сурицем договора. Принципиально его новый текст ничего не менял в советско-афганском договоре, но факт остается фактом: договор о дружбе получил новую структуру, которая позволяла советскому правительству эффективнее защищать свои интересы.

На московском этапе конкретизации содержания первого договора между РСФСР и Афганистаном наибольшие споры в Кремле возникли по вопросу о поставках оружия Аманулле-хану. У советского руководства не было уверенности, что советское оружие будет использовано афганцами только против англичан. Все попытки Чичерина изъять из

³⁸ Lee J. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London, 2019. P. 464, 467.

³⁹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 94–95.

⁴⁰ Советская Россия в «Большой игре»... С. 296.

будущего договора пункт об оружии для Афганистана закончились полным провалом, так как афганские дипломаты требовали письменных обязательств от советского правительства по этому вопросу.

В начале 1921 г. ситуация вокруг поставок вооружения еще более осложнилась. В связи с этим Чичерин направил в ЦК РКП(б) докладную записку, в которой обрисовал сложившуюся ситуацию в переговорах с афганской миссией в Москве. В ней нарком прямо указал, что «письменное обязательство с нашей стороны о снабжении оружием Афганистана неудобно ввиду близкого подписания английского соглашения»⁴¹. Из-за неуступчивости афганцев и страха сорвать подписание торгового соглашения с Англией глава советского внешнеполитического ведомства просил у ЦК санкции на то, чтобы в сам текст договора не вносить конкретных цифр о военных поставках, оформив их «в виде отдельного секретного обязательства». Предложение Чичерина было одобрено, благодаря чему в договоре с Афганистаном появились секретные приложения, которые укрепили позиции РСФСР в неизбежном конфликте с англичанами и усилили советский контроль над процессом будущей ратификации договора о дружбе, так как появлялась возможность в случае непредвиденного поведения Амануллы-хана признать секретные приложения в последнюю очередь.

В итоге глава X советско-афганского договора закрепляла обязательство РСФСР «оказать Афганистану денежную и другую материальную помощь», но конкретный объем вооружения оговаривался в «Дополнительном соглашении» (12 боевых самолетов, 2 батареи зенитных орудий (8 орудий), 5 тыс. пятизарядных винтовок с необходимым запасом патронов и завод для изготовления бездымного пороха), а размер ежегодной советской субсидии Аманулле (1 млн руб. золотом или серебром в чеканке или слитках) и строительство телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул в «Дополнительной статье». Оба секретных дополнения к Договору о дружбе имели одинаковую юридическую силу с другими статьями этого договора.

Текст секретных приложений свидетельствовал, что в Москве значительно сократили объем советской помощи Аманулле-хану. Так, в договоре фигурировала прежняя цифра поставок российских винтовок в Кабул — 5 тыс., но ранее советская сторона намеривалась предоставить еще 10 тыс. ружей пуштунским племенам, а в тексте секретного «Дополнительного соглашения» об этом не было ничего сказано. Афганцы, для которых ополчения приграничных племен были важнейшим элементом борьбы против Великобритании, не могли «забыть» о помощи приграничным племенам. Отказ советской стороны дать 10 тыс. винтовок горцам «независимой» полосы Британской Индии в три раза сокращал объем будущих поставок советского стрелкового вооружения Афганистану, что неизбежно должно было вызвать негодование афганской миссии в Москве.

При определении объема финансовой помощи Аманулле Чичерин также подстраховался и предусмотрел возможное сокращение реальной стоимости субсидии, оговорив ее выплату не только золотом, но и серебром. Правда, впоследствии советское правительство не прибегало к «серебряному варианту» выплаты субсидии, рассчитываясь с Афганистаном только золотом.

Дипломатическое мастерство Чичерина при редактировании условий договора особенно видно в изменениях, внесенных в статьи IV и V, касающихся количества консульств на территории Советской России и Афганистана. Суриц в Кабуле не смог в этом вопросе противостоять напору Амануллы-хана, в результате Афганистан получал право открыть фактически неограниченное количество представительств на советской территории, прежде всего в Туркестане. В договор, подписанный Сурицем, был внесен пункт, что в обмен на открытие пяти советских консульств в Герате, Меймене, Мазар-и-Шарифе, Кандагаре и Газни консульства Афганистана «учреждаются в любом пункте российской территории» по выбору афганского правительства⁴².

⁴¹ Там же. С. 321.

⁴² Там же. С. 189.

Идя на внесение в договор столь неравноправной статьи, Суриц, скорее всего, надеялся, что советские власти в Туркестане в любой момент смогут помешать созданию в Средней Азии густой сети представительств Афганистана, а НКВД, в свою очередь, объяснит афганцам всю неравноправность их требований. Таким образом, Чичерину и Карахану в Москве пришлось уравнивать права договаривающихся сторон. В итоге, статья V советско-афганского договора гласила: «Российские консульства учреждаются в городах Герате, Меймене, Мазар-и-Шарифе, Кандагаре и Газни. Афганские консульства учреждаются: Генеральное консульство в Ташкенте и консульства в Петрограде, Казани, Самарканде, Мерве и Красноводске»⁴³.

Как не хотелось советской стороне идти на фиксацию в Договоре о дружбе ошибочно-го обещания Ленина вернуть Афганистану ранее якобы захваченные Россией территории, прежде всего крепость Кушку, но на это пришлось пойти под нажимом афганских дипломатов. Однако при оформлении в договоре 1921 г. этого вопроса Чичерин создал условия для затягивания на неопределенное время решения пограничного спора с Афганистаном. Наличие территориальной проблемы между РСФСР и Афганистаном признавалось в статье IX, в которую была внесена важная оговорка, что «Россия соглашается передать Афганистану принадлежащие ему в прошлом столетии земли пограничного района с соблюдением принципа справедливости и свободы народов, их населяющих»⁴⁴. Уже сам факт будущего референдума указывал на то, что Афганистан не имеет бесспорных прав на Пенде и другие стратегически важные территории. Согласие афганской миссии в Москве не оговаривать в договоре 1921 г. механизм проведения этого волеизъявления, фактически оставлял спорные земли в составе Советской России. Афганцы понимали это, но пошли на этот шаг, чтобы не потерять советской военной и финансовой помощи.

О продолжении территориального спора между Москвой и Кабулом свидетельствовала статья VIII о признании договаривающимися сторонами «действительной независимости» и свободы Бухары и Хивы⁴⁵. Аманулла-хан не только хотел создать из этих государств конфедерацию, но и претендовал на ряд территорий, входивших в состав этих ханств. В начале 1921 г. исход вооруженной борьбы в этих среднеазиатских государствах между басмачеством и Красной армией было трудно предсказать, поэтому, скорее всего, афганская миссия в Москве решила не затягивать подписание договора спором из-за статуса Хивы и особенно Бухары, сохранив в тексте формулировку, на которую в сентябре 1920 г. уже согласился афганский эмир. Фактически это означало, что форму правления в ханствах и характер их отношений с РСФСР и Афганистаном определит в будущем победитель в длительной вооруженной борьбе в Средней Азии.

Когда структура и содержание советско-афганского договора были согласованы в Москве, то закономерно возникла новая проблема: текст московского варианта первого советско-афганского договора значительно отличался от того документа, что был подписан Сурицем в Кабуле. Чтобы выйти из положения, Чичерин и Карахан договорились с афганской миссией, что «договор Сурица» будет считаться прелиминарным⁴⁶.

Следует отметить, что многочисленные острые проблемы между РСФСР и Афганистаном воспринимались советскими и афганскими государственными деятелями без излишней драматизации, так как они понимали, что, во-первых, будущий договор укрепит международное положение молодых государств и, во-вторых, первые шаги на пути установления дипломатических отношений не могли быть простыми и стабильными изначально из-за того хотя бы, что отношения устанавливали Советская республика и азиатский эмират. В связи с этим в Москве и Кабуле решили назвать выработанный сторонами документ «Договором о дружбе», чтобы решить проблему с названием для столь нестандартного

⁴³ Там же. С. 322.

⁴⁴ Там же. С. 323.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Панин С.Б. Указ. соч. С. 46.

документа, в котором одновременно были статьи и о добрых намерениях сторон, и об острых проблемах в отношениях между двумя государствами. В феврале 1921 г. сложная работа по выработке первого соглашения между РСФСР и Афганистаном была закончена. 25 февраля 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) одобрил все предложения Чичерина относительно заключения договора с Афганистаном. Уже 28 февраля 1921 г. был подписан бессрочный Договор о дружбе⁴⁷.

Значение Договора о дружбе 1921 г. для укрепления советских позиций в Центральной Азии и в целом на международной арене трудно было переоценить⁴⁸. Суриц, получив с некоторым опозданием долгожданное известие о подписании первого советско-афганского договора, направил 1 апреля 1921 г. в НКВД доклад, в котором проанализировал выгоды, полученные РСФСР, благодаря сближению с Афганистаном. Полпред в Кабуле откровенно писал: «Общие выводы нашего положения в Афганистане, достигнутые договором, можно уже сейчас свести к следующим положениям: 1. Демонстрация против Индии как средство постоянного давления на Лондон. 2. Конкретная возможность прямой помощи индийскому движению. 3. Косвенная поддержка индийской революции путем отвлечения военных сил к северо-западной границе (Британской Индии. — Ю. Т.). 4. На весь период русско-афганского сотрудничества эмиратство становится лояльным соседом Туркестана, устраняется возможность его военного и политического использования против нас Англией. 5. Моральное значение русско-афганского сближения для поднятия престижа РСФСР как защитницы независимости народов Востока»⁴⁹. Разумеется, Суриц переоценивал степень лояльности Амануиллы-хана к ТАССР, но он точно изложил причины, по которым Афганистану и договору с ним в Кремле в 1920-х годах отводилась ключевая роль в советской мировой политике. Правильность всех остальных выводов советского дипломата подтвердила история советско-афганского сотрудничества в период правления Амануиллы-хана.

Библиография

Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960.

Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.; Иркутск, 1998.

Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921) / сост. М. А. Персиц. М., 2009.

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб., 2019.

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). Сб. документов / сост. и предисл. Ю. Н. Тихонов. М., 2019.

Теплинский Л. Б. СССР – Афганистан. М., 1982.

Тихонов Ю. Н. Роль «бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 года // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5

Улунян А. А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

Adamec L. W. Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967.

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L. P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.

Gregorian V. The Emergence of Modern Afghanistan Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. Stanford (CA), 1969.

Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A Study of Soviet Policy Towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1965.

Lee J. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London, 2019.

⁴⁷ Теплинский Л. Б. Указ. соч. С. 38.

⁴⁸ Kapur H. Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A Study of Soviet Policy Towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1965. P. 229.

⁴⁹ Советская Россия в «Большой игре»... С. 357.

References

- Dokumenty vneshney politiki SSSR [Documents of the foreign policy of the USSR]. T. IV. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Panin S.B.* Sovetskaya Rossiya i Afganistan [Soviet Russia and Afghanistan]. 1919–1929. Moskva; Irkutsk, 1998. (In Russ.)
- Persidskiy front mirovoy revolyutsii. Dokumenty o sovetskom vtorzhenii v Gilyan [Persian Front of the World Revolution. Documents on the Soviet invasion of Gilan] (1920–1921) / sost. M.A. Persist. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Sergeev E. Yu.* Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskiye otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu [Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: from intervention to recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Sovetskaya Rossiya v “Bol'shoy igre” (1919–1925): sbornik dokumentov [Soviet Russia in the “Great Game” (1919–1925): a collection of documents] / sost. i predisl. Yu.N. Tikhonov. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Teplinskiy L.B.* SSSR – Afganistan [USSR – Afghanistan]. Moskva, 1982. (In Russ.)
- Tikhonov Yu.N.* Rol’ “Bukharskogo voprosa” pri zaklyuchenii sovetsko-afganskogo “Dogovora o druzhbe” 1921 goda [The Role of the “Bukhara Question” in the Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” of 1921] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1. S. 151–163. DOI: 10.31857/S013038640018270-5 (In Russ.)
- Ulunyan A.A.* Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922: Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922: The British Intelligence Community and the British government]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Adamec L.W.* Afghanistan, 1900–1923. A Diplomatic History. Berkeley, 1967.
- Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.
- Gregorian V.* The Emergence of Modern Afghanistan Politics of Reform and Modernization, 1880–1946. Stanford (CA), 1969.
- Kapur H.* Soviet Russia and Asia, 1917–1927: A Study of Soviet Policy Towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1965.
- Lee J.* Afghanistan: A History from 1260 to the Present. London, 2019.